

[00:15:22]

Николай Остарков: Коллеги, у нас второй день работы Московского экономического форума. Сейчас прямо в этом зале состоится выездное заседание Столыпинского клуба. Нас любезно пригласили на этот форум, чтобы мы провели здесь нашу дискуссионную площадку. Буквально 2-3 слова о том, что такое Столыпинский клуб. Это площадка для обсуждения различных позиций, в основном в социально-экономической сфере, и подготовка предложений, которые в частности нашли свое воплощение в политике роста, которая была опробована, подготовлена, прошла длительные дискуссионные обсуждения в течение нескольких лет на площадке Столыпинского клуба и дальше уже готовилась профессионалами.

Теперь мы имеем подготовленную политику роста, с которой выступал на предыдущих, только что прошедших президентских выборах Борис Юрьевич Титов. Мы как площадка продолжаем функционировать, выполнять эту функцию обеспечения дискуссии, возможности обсуждения различных позиций, точек зрения, стараемся, чтобы у нас было интересно, чтобы эти позиции не были банальными, и мы находили какие-то интересные, нетривиальные решения и все это идет в копилку тех рекомендаций, которые дает уже в дальнейшем Столыпинский клуб.

Сегодняшнее наше заседание посвящено проблеме «Экономика роста: государство, бизнес и общество». Теперь буквально несколько слов о нашей сегодняшней теме. Давайте представим, что у нас есть программа политики роста, что она готова, каким-то образом опробована, поддержана и имеет право на существование с точки зрения ее экспертной проработки. Что делать дальше? И вообще, что такое рост и как с ним работать?

Отсюда вытекает тема нашего сегодняшнего обсуждения. Мы же ведь не в безвоздушном пространстве будем заниматься внедрением этих технологий роста. Мы имеем дело с некой институциональной платформой, в которой есть государство с его институтами, с его структурой, есть какое-то устройство бизнеса, есть общество, устроенное определенным образом.

И вот мы начинаем предлагать какие-то рецепты для ускоренного развития, для внедрения каких-то рецептов для того, чтобы росла наша экономика. Как воспримет это институциональная среда, что у нас будет происходить? Возможен ли рост? Мне кажется, что в свое время Столыпин сталкивался примерно с теми же проблемами, когда речь шла о реформе нашей общины.

[00:20:05]

Сама по себе община не является институтом, который готов к тому, чтобы расти, развиваться, чтобы там была бурная конкуренция, чтобы выживали сильнейшие. То есть она сама по себе была институтом, который был достаточно консервативен, который вряд ли помог бы развитию нашей экономики, особенно в аграрном секторе. Поэтому в то

время были какие-то свои рецепты, как работать с этой общиной. Может быть, даже какие-то не слишком мягкие рецепты.

Сейчас мы стоим примерно перед теми же самыми проблемами. Поэтому поговорим о росте, еще один аспект этого роста. Если мы говорим об аграрном обществе, то в аграрном обществе мы имеем свое качество роста. Тогда еще этого понятия, этого фокуса, видения этой проблемы еще даже и нет. Она задается индустриальным обществом, когда у нас есть производительность сил, когда у нас появляется такой интересный феномен как самовозрастающая стоимость, рост производительности труда. Вся эта проблематика всплывает в индустриальном обществе и является способом его развития.

В нашей конкретной ситуации, какое нам качество роста нужно? Что это за рост? Как он должен осуществляться? Вот на эти темы, проблемы мы сегодня будем говорить. Первый выступающий Валерий Петрович Чичканов затронет проблему, что нам делать с той институциональной средой в каком-то своем аспекте, что нам делать и как нужно с той общиной, с теми институтами, с которыми мы сейчас сталкиваемся, как нам с ними быть.

Валерий Чичканов: Уважаемый Николай Александрович, уважаемые коллеги! Думаю не ошибусь, если скажу, что базовая идея нашей встречи – это повышение качества жизни. Это связано с ростом, но вы прекрасно знаете, что сегодня ряд стран меньше заботятся о росте, хотя это очень важно. В частности, если взять ту же Японию. Они заботятся о том, как наиболее эффективно, правильно, конструктивно разделить тот пирог, который мы называем ВВП.

Это было не так давно, на «РБК» выступал наш министр Силуанов. Он конкретно сказал, что денег в стране много. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что он знает, что говорит. Он в этом деле разбирается не хуже, а лучше нас. Мы часто говорим о росте. Это основа инвестиций. Но тут же говорим о том, что не хватает денег и так далее. Вчера на первой сессии мы слышали блестящие выступления многих наших коллег. Я хотел бы сослаться на Сергея Юрьевича Глазьева, на Оксану Дмитриеву. Действительно, банки переполнены деньгами, сумма которых зашкаливает за 70 трлн рублей. Параллельно вы знаете статистику, сколько идет в реальный сектор в лице кредитов и так далее. Речь идет о том, что денег действительно достаточно много, но эффективность их использования недостаточна.

Второе. Как это ни странно, но мы часто говорим о бюджете страны, но только 7 % инвестиций поступает из бюджета. Бюджет, по сути дела, не очень сильно влияет на инвестиции.

[00:25:03]

Влияют многие другие источники, о которых многие говорили вчера, и сегодня будут говорить.

С другой стороны, если говорить о качестве жизни, вчера называли ряд факторов, вы их прекрасно знаете, которые мы везде используем. Действительно, самая богатая страна с

точки зрения природных ресурсов. Я знаю сферу науки. У нас действительно гигантский научный потенциал. Вчера наш президент, Александр Михайлович выступал и говорил, что у нас сегодня нет тесного контакта и с властью, и еще хуже, контакта с бизнесом. Это началось в 90-е годы, когда бизнес начал быстрее получать. От науки нельзя сразу ждать, что сегодня заказал, а завтра получил. Вы знаете, что некоторые исследования, особенно фундаментальные, могут длиться годами. Опираясь на выступление Александра Михайловича, 80 % бывает вхолостую, отрицательный результат. Поэтому мы неслучайно говорим в науке, что отрицательный результат – это тоже результат. Это значит, что можно сюда и не идти, но надо идти туда и там можно получить.

Я достаточно долго живу на этом свете. Я вспоминаю великолепные времена. Это были 80-е годы, когда шло общее собрание Академии наук, в том числе в этом большом зале. Первый ряд был занят министрами. В президиуме как обычно или председатель Совета министров, или его зам, курирующий науку. Но в первом ряду сидели министры. Они не только сидели, они с блокнотами писали, слушали и слышали.

Сегодня редко увидишь министра на общих собраниях РАН. 29 декабря Медведев подписал распоряжение. Это одна из акций, но она для нас очень важна сегодня дали добро, что представители РАН присутствовали во всех ведомствах – министерства, службы и агентства – в коллегиях, особенно в экспертных, научно-технических советах. Это не главный фактор, не главный путь, но он дает возможность, которая позволит нам теснее узнать друг друга, потому что дорога всегда двусторонняя. Если поставить на чашу весов то, чем мы с вами располагаем, насколько мы богаты, а на другую чашу то, как мы с вами живем, действительно проблема.

Я так думаю, что диагноз уже известен, о нем везде говорят, пишут. Достаточно хороший диагноз изложен в стратегии экономической безопасности России до 2030 года, которая была подписана в мае 2016 года. Достаточно неплохо диагноз был изложен в послании президента 1 марта. Сейчас действительно ищут пути этого роста. Первый путь, который подсказал Силуанов, нам надо научиться достаточно эффективно использовать то, что мы имеем, то есть рационально тратить тот бюджет, который у нас есть. В первую очередь это зависит от системы государственного управления на уровне страны, регионов, муниципальных образований. Эффективность управления определяется, с одной стороны, степенью достижений целей, который сформулированы в посланиях, указах, стратегиях, с другой стороны, она определяется реальным уровнем жизни населения, его социальным и духовным самочувствием.

[00:30:04]

Как в свое время очень хорошо сказал Максим Горький: читатели определяют качество писателей. Точно так же, коллеги, мы с вами определяем качество или эффективность той или иной системы управления.

Как говорят художники, несколько крупных мазков на этот счет или какие проблемы я вижу здесь. Первое. Вы прекрасно знаете, что мир и Россия тоже состоит из множества

людей, которые принадлежат к разным социальным группам. В 90-е определилась новая группа, это олигархи, средний бизнес, малый бизнес. Это ученые, врачи, педагоги, пенсионеры. Много различных групп. Каждая из этих групп полагает, что государство должно служить именно ее интересам и потребностям. И это на самом деле так. Кредо государства, как это ни странно, звучит так: всем не угодишь. И это тоже правда.

У нас есть интересы государства, есть корпоративные интересы и личные. Вы прекрасно знаете, что эти три группы интересов никогда не совпадают на 100 %. Слава богу, что их несовпадение не революционное. Мы действительно их решаем многими механизмами.

Вторая позиция: государство не является институтом общественного управления, но служит механизмом управления делами общего подразделения, а потому многое зависит от тех, кто формирует и запускает этот механизм. Вначале тех, кто разрабатывает, а потом тех, кто уже запускает. Вчера один из таких механизмов излагал Борис Титов. Некоторые элементы из этого механизма, с точки зрения денежно-кредитной политики излагал Глазьев. Мы знаем, что есть программа, которую разрабатывает Кудрин. Это механизм, который разрабатывают, на основе которого будет управляться государство в очередные шесть лет. Очень важно, какой из этих механизмов, или какой из элементов этого механизма руководитель высшего ранга может запустить. Это очень важная проблема.

Третье. Как бы ни формировалось государственное управление, оно должно учитывать специфику групп. Я имею в виду те, которые я назвал. Мы не случайно говорим, что у России есть своя специфика. И это на самом деле так. Она и территориальная, и климатическая. Я уже не говорю о внутренних и внешних факторах. Я бы сказал, что оно должно учитывать свою миссию в этом плане. Учитывая миссию, государство одновременно должно находиться над рынком, обеспечивать национальную безопасность, здравоохранение, образование, фундаментальные научные исследования, развитие культуры и защиту малоимущих.

Что значит над рынком? Есть законы рынка. Один из распространенных законов: деньги, товар, капитал, услуги, рабочая сила двигаются туда, где выгодно. Пойдут инвестиции в северную, арктическую зону, в вечную мерзлоту? Конечно, нет. Главной скрипкой здесь должно быть государство. Оно должно быть над рынком. Роль государства здесь трудно переоценить. Почему долгие годы шла дискуссия между либералами и консерваторами. У нас в стране либералы говорят, что государство должно уйти из рынка. Я консерватор. Я на других позициях. Роль государства в нашей стране трудно переоценить.

[00:35:00]

Механизмы, которые сегодня есть, уже известны. Важно политическое решение. Если оно будет, то многие проблемы, которые освещались вчера и будут освещаться сегодня, вполне решаются, потому что наша страна богата совершенно потрясающими талантливыми людьми. Спасибо!

Николай Остарков: Спасибо большое! Следующий выступающий Дмитрий Константинович Чистилин, Международного Института развития и самоорганизации, академик. Я так понимаю, что речь пойдет о механизмах роста и макроэкономике.

Дмитрий Чистилин: Дорогие друзья, хочу начать свой короткий доклад с некоторых цифр. Последние два года идет широкая дискуссия по поводу программ развития РФ на ближайший президентский электоральный цикл, в котором присутствуют различные взгляды на проблематику поставленных вопросов, которые нужно решать, на роль государства, общества, науки, образования. Я хочу поставить перед вами вопрос: зачем нужна программа развития? Чем программа развития отличается от роста для РФ и почему программа развития Столыпинского клуба названа программой экономического роста.

На этой таблице данные начала 2012 года. На сегодня они не сильно изменились. Эта статистика относится к трендовым показателям каждой страны. Это показатели структуры экспорта стран, с которыми мы конкурируем на международных рынках и хотели бы быть равными им по политическому и экономическому весу в мировой геополитике, экономике. Из этих цифр видно, насколько РФ отличается от других стран по структуре экспорта.

Существует закон Хекшера—Олина: каждая страна, торгуя с внешним миром, экспортирует избыточные ресурсы, импортирует дефицитные. Если мы посмотрим на эту таблицу, мы увидим, что наши основные экономические конкуренты США экспортируют около 80 % индустриальной продукции всего экспорта, в том числе более 30 % высокотехнологической продукции. Великобритания, Япония, Германия, Франция имеют примерно такие же показатели. Экспорт индустрии в районе 80 %, экспорт высокотехнологической продукции – от 20 до 30 %. Если мы посмотрим на страны БРИКС, конечно, Китай сильно отличается. Он имеет примерно такие же показатели. Если брать Россию, мы очень серьезно отстаем по этим показателям. Экспорт индустриальной продукции около 20 %, в том числе высокотехнологическая – 8,1 %. На начало 2017 года около 12 %. Сдвиг не сильно большой.

О чем это говорит? Вторая таблица – уровень образования населения и уровень вложения каждой из перечисленных стран в науку и образование, в том числе через бюджет. Если мы посмотрим на США и на Россию, сравним две страны, то мы увидим, что у нас в разы отличается бюджет. На начало 2016 года у США где-то 16,1 трлн долларов, у нас по текущему валютному курсу примерно 1,6 трлн долларов. Если паритету покупательной способности – примерно 3,5 трлн долларов. Это многократная разница в величине валового продукта. Если США вкладывают в свое образование и науку около 6 % ВВП, то мы всего лишь 3,6 %. Это говорит о том, что если мы возьмем абсолютные цифры, в ближайшие пять лет мы в науку и образование вложим примерно в 20 раз меньше, чем США. С Европой у нас примерно такие же соотношения.

[00:40:02]

Что такое вложение в науку и образование? Если мы обратимся к вопросам хай-тек, то мы увидим, что в условиях формирования нового технологического уклада лидировать будут те страны, которые создают новации, эти новации вводят в технологический цикл, начинают производить товары, экспортируют в другие страны, в которых этого продукта нет. Именно по этому показателю мы отстаем от той группы стран, в которую мы стремимся войти.

Возникает вопрос, а можем ли мы туда в принципе войти? Тут возникает вопрос разделения экономического роста и экономического развития. Если мы говорим о показателях благосостояния жизни населения страны, о социальных условиях, об уровне потребления, о возможности наращивать это потребление, то мы должны говорить об экономическом росте. Если мы говорим о том, что нам надо создать экономику с иной структурой, чем она есть у нас сегодня, мы должны говорить об экономическом развитии. Экономическое развитие предусматривает иные механизмы реализации процесса экономической жизни, чем модель экономического роста.

Почему Столыпинский клуб обозначил очень правильно и грамотно программу развития как программу экономического роста? В западных странах, понимая что для того чтобы лидировать в мировой экономике, экономический рост нужно поддерживать постоянно, перешли сперва в теоретической науке от моделей роста простых к моделям долгосрочного экономического роста, то есть поддержание экономического роста на длительном интервале времени.

Если говорить упрощенно, то простые модели роста заключаются в наличии в экономике страны трудоспособного населения, капитала для этого населения и инвестиций. Основной показатель, который показывает возможности для роста экономики – это капиталовооруженность одного человека. У нас по демографической политике, к сожалению, намечено и четко подчеркивается динамика старения населения. До 2030 года у нас убудет примерно 10 млн работоспособного населения и прибавится население в возрасте 50 – 59 лет, почти до 60 лет пенсионного возраста. В этих условиях у нас наблюдается бегство капитала. Та модель хозяйственной жизни, которая сегодня есть, не предусматривает экономический рост.

С другой стороны, мы ставим перед собой задачу не просто улучшить качество жизни, но еще и войти в группу тех стран, которые по уровню жизни и по структуре экономики нас опережают. Если мы сравним в последние 25 лет Южную Корею и РФ, то фактически Южная Корея стартовав в хозяйственной экономике, перешла на высокотехнологичный уклад. Сегодня мы покупаем у нее большое количество товаров, которые связаны с научными изобретениями. Перечислять не буду. Все это прекрасно знают.

Что касается РФ, то эти отрасли у нас не созданы. Это говорит о том, что мы не развивались, а деградировали. Мы не создали новые структуры экономики. У нас она как была зависимой от сырья, от экспорта минеральных ресурсов, так и осталась на сегодняшний день. Перспектив изменений весьма туманны.

Весьма актуально ставить вопрос о программе развития. Эта программа развития должна заключать в себе цели, которых нужно добиваться, угрозы, которые есть во внешнем мире и внутри самой страны, механизмы и инструменты, как это можно разрешить, достичь положительного результата, источники финансирования, система управления. Без источников финансирования, понимания планов реализации достижения цели и самое главное, системы управления, которой в РФ сегодня не существует, достичь желаемого результата по реструктуризации экономики, которая будет выражаться в структуре ВВП экспорта в каком-то промежутке времени, невозможно.

Поэтому вопросы, которые ставятся в программе роста, не только актуальны, но и являются механизмами достижения искомых результатов. Я не буду сейчас сравнивать с другими программами, остановлюсь на некоторых вопросах, которые были здесь поставлены для дискуссии. В частности широко обсуждается проблематика административной правовой реформы. Действительно, по оценке специалистов в правовой области мы даже от Украины отстали лет на 25 по УПК. Поэтому у нас существуют проблемы в государственной и правовой системе администрирования, которая в том числе влияет на деловую жизнь. Возникает вопрос: влияет ли это на экономический рост. Я могу сразу сказать, что нет.

[00:45:00]

Для того чтобы осуществлять экономический рост, нам не нужно срочно трансформировать эти системы институционального устройства нашего общества. Нам, скорее, нужно думать о тех инструментах, которые нам этот рост дадут. Это денежно-кредитная, инновационная политика, политика пенсионного фонда. Это связано с капитализацией экономики и инвестициями. Если говорит о взаимосвязи инвестиций, пенсии и позиции государства в этом вопросе, то она, несомненно, есть.

С другой стороны, существует недоразвитость институтов, инструментов перевода сбережений населения, в первую очередь пенсионных. Это основной объем денег, который может быть капитализирован, и он капитализируется в других экономиках, кроме нашей. Эта ситуация очень серьезно зависит от государства. У нас на текущий момент основные пенсионные накопления сосредоточены в квазигосударственном образовании «Внешэкономбанк» и совершенно отсутствует рынок частных пенсионных фондов, в то время как в развитых экономиках эти институты являются инструментами перевода сбережений в инвестирование собственной экономики, в первую очередь в инвестирование инновационных процессов.

Может ли социальная политика служить драйвером роста? Если говорить о современных моделях экономического роста, в долгосрочном периоде времени социальная политика играет фундаментальную роль. На сегодняшний день есть четкое понимание, что помимо основных экономических драйверов роста экономики существует еще драйвер роста под названием человеческий капитал. Человеческий капитал зависит от двух показателей. Первый показатель – это образование населения. В этом вопросе у нас, слава богу, есть наследие СССР.

С другой стороны, я показал цифры. По этим цифрам мы вряд ли сможем фундаментально изменить ситуацию, для того чтобы вывести страну на новые научные рубежи, чтобы войти в пул стран, которые лидируют в инновационной сфере. Социальная политика нашей страны серьезно отличается от социальной политики западных стран. Тут возникает вопрос, что раньше, яйцо или курица. Все-таки сперва доходы, рост экономики, который является основой финансирования всех социальных изменений, которые должны быть для того чтобы страна развивалась и имела долгосрочный экономический рост.

Может ли социальная политика быть драйвером роста? В краткосрочном периоде – нет, в долгосрочном – обязательно. Это фундаментальный вопрос. Макроэкономическая политика и вообще государственная экономическая политика должна включать в себя не только акценты на инструменты экономического роста, но и содержать в себе качественную составляющую именно социальных процессов, которые формируют человеческий капитал. Прежде всего, это здравоохранение, образование и остальные элементы, которые формируют желание человека долго трудиться и отдавать обществу какую-то пользу.

Что касается технологических сдвигов, то я вернусь в начало доклада. Технологические сдвиги возможны только тогда, когда внутри страны есть понимание, что наука должна быть достаточно финансируема, должны быть институты перевода капитализации сбережений населения в инвестирование инновационных процессов. И самое главное, экономическая ситуация должна быть такова, чтобы возникали доходы, часть которых население может потратить не на текущее потребление, а на инвестиционные сбережения, расположив деньги либо в ценных бумагах, либо в финансовых институтах, либо еще где-то.

Если говорить о том, что раньше, раньше это доходы, потом сбережения, потом инновационные процессы. Вне всяких сомнений, постановка этих вопросов и планов в программе роста Столыпинского клуба имеет место быть. Там есть четкое понимание, что есть экономические инструменты принуждения экономики к росту, есть демографический процесс, который формирует трудовой ресурс, есть денежно-кредитная политика и структура макроэкономической политики, которую нужно правильным образом формировать, которая дает нам необходимые доходы для экономики. Есть бюджетная политика, которая распределяет эти доходы на ключевые направления роста, есть понимание источника финансирования структурных изменений и есть понимание, что страна должна через определенный промежуток времени, например, к 2030 году иметь хотя бы какие-то новые отрасли, которые будут локомотивами ее введения в пул стран лидеров мировой системы.

[00:50:11]

Без реализации такого подхода что-либо принципиально изменить в положении страны на мировой арене, в том числе с помощью вооруженных сил вряд ли возможно. Все-таки экономика раньше, потом уже разрешение конфликтов с помощью силы. На этом я хочу

закончить свой доклад. Обращаю ваше внимание на то, что для того чтобы сформировать место России в будущем, у нас есть четкое понимание цели, есть инструменты достижения этих задач и механизмы реализации, в том числе предлагаемый механизм управления развитием РФ.

Мужчина: Я хотел бы спросить, рассматривается ли механизм управления бизнесом с позиции интересов российской экономики, потому что на сегодня больше 70 % российской экономики – это иностранный капитал, Калининград, Сахалин

Дмитрий Чистилин: Абсолютно правильный вопрос. Программа Столыпинского клуба рассматривает в социальной и правовой сфере зарегулированность экономики, мешающую малому и среднему бизнесу становиться на ноги. В последние 4 года наблюдается четкое сокращение количества малых предприятий малого и среднего бизнеса. Соответственно, это сокращение доходов населения, наемных людей, сокращение рабочих мест. Ключевым моментом программы роста Столыпинского клуба является создание высокопроизводительных рабочих мест. Это первое. Потом вернусь к этому вопросу.

И второе – это дерегулирование правовой системы относительно жизнедеятельности бизнеса, ибо большое количество предпринимателей теряют свою деловую активность в результате действий правоохранительной системы, которые где-то оказываются ошибочными, где-то чересчур жесткими по отношению к совершенному деянию. Это очень сильно мешает развитию деловой активности, влияет на экономический рост и на все показатели.

Отношения с государством рассматриваются не только через правовую систему, но и через финансовые инструменты. Программа в долгосрочном периоде рассматривает комплексную задачу предоставления бизнесу возможностей развиваться за счет инструментов и институтов развития, на которые влияет государство, ослабление государственного и правового давления на жизнедеятельность бизнеса и программу создания высокопроизводительных рабочих мест, которая позволяет осуществлять переток освободившихся ресурсов в те отрасли, которые сегодня существуют и могут за счет этого развиваться, в новые отрасли. Тот вопрос, который вы задали, решается.

Николай Остарков: Александр Викторович Махлаев, директор Фонда социального финансирования. Проблемы устойчивого роста.

Александр Махлаев: Добрый день! В данном случае не проблема устойчивого роста, а проблема устойчивого развития. В чем здесь основная изюминка истории. Проблему устойчивого роста затеяли американские ученые из Массачусетского университета, в том плане, что ресурсы Земли не безграничны, идет экспоненциальный рост населения. Соответственно, нужно каким-то образом эту историю регулировать, с ней бороться, заниматься. Подобные мальтузианские взгляды постоянно возникают, до сих пор в настоящий момент присутствуют.

[00:54:58]

В конечном итоге эта дискуссия привела к тому, что в рамках деятельности ООН была принята концепция устойчивого роста. Что подразумевается под концепцией устойчивого развития. Понимается модель развития современного общества, в котором удовлетворение потребностей настоящего поколения экспоненциальный рост населения не ставит под угрозу возможность для будущих поколений удовлетворять в полной мере свои собственные потребности.

Для чего я в данном случае решил обратить внимание присутствующих на такие, казалось бы, высокие материи? По той простой причине, что в любом случае это основной идеологический тренд, в рамках которого движется современная экономика. Естественно, Россия не может быть вне рамок этого тренда. Она его принимает для утверждения своих экономических парадигм, активно с ним работает. В определенном смысле это влияет на те позиции в области экономики, идеологии и строительства экономики, как таковой, которые являются вопросами, связанными именно с долгосрочным планированием.

Одна из больших основных проблем российской экономики – это именно отсутствие долгосрочного планирования. Концепция устойчивого роста предлагает такой взгляд всему мировому сообществу, в том числе России. В этом отношении надо сказать, что Россия достаточно давно этот взгляд приняла. Если посмотреть на документы, которые имеются и приняты в России, то один из первых документов «Основные положения государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» был принят аж в 1994 году.

В дальнейшем также принимались различные документы, достаточно большой список. В чем изюминка всей ситуации? Как правило, эта концепция рассматривается исключительно с экологической точки зрения. Это экология, экологическая среда, экология городов. На самом деле цели в области устойчивого развития более масштабны, сложны и охватывают практически все области нашей жизни, нашей экономики. Всего их на сегодняшний момент существует 17. Я заострил на этом внимание, потому что так или иначе, из фокуса общественного внимания эта проблематика уходит, за нашими текущими проблемами.

Одна из целей на сегодняшний момент оказывается наиболее политизированной и важной для дискуссии. Это вопрос, связанный с гендерным равенством. То есть если все остальные цели не вызывают никакого дискуссионного плана как такового. Сложно возражать против ликвидации нищеты, голода, хорошего здоровья.

Вопрос с гендерным равенством более сложный, коварный. На сегодняшний момент вокруг него в долгосрочной перспективе начинает разворачиваться серьезная политологическая, и в конечном итоге экономическая дискуссия. Нужно сказать, что в том виде, в котором ООН предлагает эту концепцию, исключительно либеральная. Из нее исключена семья как общественный институт.

Защита прав женщин там достаточно хорошо расписана, особенно в плане вопросов, связанных с традиционными обществами, там где женщины действительно подвергаются репрессиям в области образования, экономики. По умолчанию идет ситуация, связанная с тем, что в западном мире этот вопрос решен. Но возникает вопрос, решен ли он на самом деле. Если мы посмотрим на ситуацию в западном обществе, никогда семья как общественный социальный институт не подвергалась такой мощной репрессивной атаке, особенно в экономическом плане, как в нынешнее время.

Например, конвенция 1993 года по биоэтике, которую на сегодняшний момент надо однозначно пересматривать по той простой причине, что современные медицинские технологии уже позволяют практически выращивать детей в пробирке. Это очень большой бизнес. Возникает вопрос, будет ли этот бизнес отстаивать свои интересы. Естественно, будет. Но этот бизнес начинает менять саму структуру семьи, само положение семьи, отношение к семье. Та же самая ситуация с сексуальными роботами. Если мы возьмем ситуацию в Японии, это уже большой бизнес. Там виртуальные и прочие симуляторы, которые позволяют людям не создавать семьи или создавать виртуальные семьи, и тем самым создают совершенно другую социальную ситуацию. Это совершенно другая экономика, другой мир.

[01:00:00]

К сожалению, в целях устойчивого развития этот вопрос не затронут никаким образом. Это сложный момент. На примере России это тоже можно достаточно просто рассмотреть. Все рассуждают о процентах по ипотеке. Но если мы возьмем цикл существования семьи, то объективно ипотека репрессирует семью как таковую. Сами посудите, цикл жизнедеятельности семьи. Студенту нужна одна квартира, молодой семье нужна другая квартира, семье с одним ребенком третья, а пенсионерам четвертая. То есть это практически десятилетний цикл. То есть на каждый период идет 10 лет. То есть практически в течение 40 лет человек должен менять условия жилища.

Может ли он это сделать, если он берет в начале своего жизненного цикла ипотеку на 25 лет на маленькую студию в 24 м²? Будут ли там появляться дети? Конечно, нет. Если мы говорим о временах Столыпина, то те времена ипотеки не было в принципе. Тогда существовали только доходные дома, которые мы прекрасно можем видеть на центральных улицах Москвы, когда человек, снимая жилье, исходя из своих экономических возможностей, реалий, которые у него на сегодняшний момент имеются, менял стиль жизни. Этот вопрос вообще не стоит на повестке дня. Вот она рождаемость, вот она семья, жизнь.

Евразийская экономическая комиссия, национальный институт выступила одной из первых. Россия и Евразийская комиссия в плане работы над целями устойчивого экономического развития действительно в авангарде. Еще ни одно экономическое сообщество не ставило перед собой задач – выдать ООН полноценный доклад о перспективах устойчивого развития для экономического объединения. Это очень важный момент. В этом отношении и Россия, и страны Евразийской комиссии находятся на

передовых позициях. Но если мы посмотрим доклад, мы увидим, что момент, на который я обратил внимание, там отсутствует. Он там тоже репрессирован. Он идет в русле тех парадигм, которые заданы основным трендом ООН, именно в той этиологии, которая сейчас господствует. Как мне кажется, эта идеология не вполне приемлема для России, для демографической ситуации, которая у нас есть. По разным причинам: идеологическим, религиозным и прочим.

Николай Остарков: Я хочу предоставить слово следующему выступающему, Игорь Камилович Лавровский. Это исполнительный директор Столыпинского клуба. Я так понимаю, что тема будет посвящена социальной сфере, ее возможности быть источником роста, что для меня очень сомнительно.

Игорь Лавровский: Дорогие друзья, у нас дискуссия с представителями либерального крыла ведется в частности по одному фундаментальному вопросу: что является движущей силой экономического развития в России. Либеральное крыло напирает на то, что мы без долларов жить не можем. Если есть валюта, есть рост, если нет валюты, нет роста.

В то же время если посмотреть на реальное использование этой валюты, на реальную долю сырьевых отраслей в экономике, то картина получается совершенно другая. Рост происходит не тогда, когда происходит валюта или что-то, а когда в экономику поступают русские деньги, когда рубль поступает в экономику. То есть мы доллара не видим, пока не нужно куда-то съездить.

Финансовая система построена так, что основным механизмом эмиссии на протяжении многих лет было приобретение валюты у Минфина Центробанком. Да, валюта поступает, мы видим экономический рост, но выводы делаются совершенно неправильные. Рост идет не тогда, когда валюта поступает, а тогда когда рубли поступают в экономику и когда они расходуются внутри самой экономики.

[01:05:03]

Если мы вспомним те годы экономического роста, который мы не так давно наблюдали, это 2000 – 2008 год, когда развитие шло очень быстро, и экономика росла на 6 – 9 % в год, то мы увидим, что государство резко увеличило свои расходы, резко росли зарплаты бюджетников. Если мы вспомним 90-е годы, то тот, кто работал на государство, считался изгоем. Сейчас наоборот картина изменилась, все говорят, что это они там жируют, получают нетрудовые доходы, а мы тут в частном секторе загниваем. То есть произошло большое перераспределение ресурсов и резкий рост доходов бюджетного сектора, и это стимулировало и экономический рост, и рост жизненных стандартов.

Когда говорят, что ничего не построено, какие-то отрасли не возникли... возникла гигантская сфера распределения, гигантская сфера логистики, которой не было в СССР. Сейчас там сфера услуг, которой не было, не существовало, она была в зачаточном, маргинальном состоянии. Возник совершенно новый, огромный сектор экономики с огромным количеством занятых, который двигал экономику 1,5 – 2 десятилетия.

Что делать сейчас? Или вывести последние, продать за доллары или юани, и выпустить рубли, или начать отвязывать экономическую политику от поступления валюты и как-то ее базировать на чем-то другом. Если посмотреть на США, им абсолютно наплевать, сколько у них валюты. Там доля иностранной валюты в активах их федеральной резервной системы вообще исчезающе мала. Тот самый доллар, который у нас так любят, полностью базируется на внутренних обязательствах самих США.

Здесь нужно вот это ментальное рабство преодолеть. Не надо думать, что только американцы имеют право выпускать облигации. Это неправда. Это ни в каком уставе ООН не записано. Все имеют право, любая самая маленькая страна имеет право выпускать свои собственные государственные облигации, их покупать, ЦБ имеет право вести такую экономическую политику, какую захочет, не оглядываясь ни на поступление валюты, ни на что иное. Вообще происходят исторические вещи. Я не могу представить себе, чтобы такие форумы, как Столыпинский форум и нынешний форум произошли два года тому назад. Вот эта альтернативная, либеральная точка зрения приобретает силу, вес.

Сейчас уже нужно думать, куда двигаться дальше, что следующее. У нас сейчас любая страна или те, которые за правых или за левых, настаивает на том, что необходимы реформы, что надо то, что мы делали до сих пор, поломать или существенно переделать, и тогда что-то будет, а до этого ничего не будет. На самом деле это неправда. На хорошо известном графике показан период больших структурных реформ. Вот черный большой квадрат, когда наша экономика упала на 40 %.

Что же происходит сейчас? Где эти катастрофы, на которые ссылаются и правые, и левые. Их нет. Да, у нас имеет место замедление экономического роста. Это правда. Зато посмотрите на те же самые валютные резервы. Да, они чуть-чуть поменьше, чем в пиковый момент, но они далеки от нуля, далеки от состояния начала 2000-х годов, далеки от 90-х годов. То есть российская экономика в хорошей спортивной форме. То есть нужны не реформы, какие-то новые перетряски, нужна музыка. Неважно, кто как сидит. Все разговоры о реформах сводятся к тому, что надо пересесть. Нет, надо понять, что играть. Нужен новый источник роста. То есть нужен внутренний источник роста взамен внешнего.

Политическая проблема сейчас заключается в кризисе ожидания. Люди привыкли к тому, что все растет, развивается, и вдруг остановилось, или стало идти медленнее. Причем раньше, когда ничего не происходило, например, во времена Брежнева, все сидели тихо. Как только экономический рост пошел, уже у всех ожидание, что завтра будет веселее. И когда вдруг наступает стагнация или торможение, все очень недовольны. Хочу сказать, что у нас всегда очень любят указывать на непопулярность реформ.

[01:10:03]

Нужны непопулярные реформы. Гарантирую как экономист: если реформа непопулярна, она вредна. В демократическом обществе реформы должны поддерживаться большинством населения. Это значит, что они должны быть популярны. Здесь нужно

вспомнить основы, вспомнить печку, от которой мы танцуем. В России создан капитализм, капиталистическая экономика. Но одного не произошло. Не произошло того, что называют возникновением смешанной экономики. То есть начиная с 30-х годов прошлого века, на Западе нет капитализма, там другая экономика. И вот этот скачок у нас еще не произошел. Нам надо научиться вести нормальную кейнсианскую политику, научиться компенсировать неизбежные замедления экономического роста, неизбежные экономические циклы проактивной государственной политикой. Когда не хватает частного спроса, увеличивать государственный спрос.

Еще пять лет назад сочетание стратегическое планирование было полулегальным, сейчас его уже часто употребляют. Вопрос в том, что планировать. В СССР планировалось все. В результате мы не имели очень многого. Частный сектор прекрасно умеет планировать то, что входит в его зону ответственности. Считаю, что нужно поменять принцип планирования. Не нужно планировать производство. Нужно планировать потребление. И очень важно планировать социальный уровень населения, уровень и качество потребляемых товаров и услуг.

Тем самым мы приходим к концепции социального стандарта. Это значит, что если я приехал в Магадан, на Чукотку, я имею тот же набор социальных услуг, что я имею в Москве, Подмосковье в средней России, не хуже. Может быть лучше, но не хуже. Вот это понятная для государственной системы задача – выровнять уровень. Например, в Москве хорошие МФЦ. Давайте сделаем такие же МФЦ по всей стране. Это понятная задача. Это можно планировать и таким образом в экономику будут влиты миллиарды и триллионы рублей. Мы намного лет будем знать, что мы делаем. Такой подход поможет преодолеть нынешний разрыв в уровнях жизни и в уровнях капиталоемкости между Москвой, Западной Сибирью, некоторыми другими местами и всей остальной страной.

Если мы перейдем к политике социального стандарта, то у нас уровень жизни будет размазываться по стране. Государство сможет планировать скорость, с которой этот уровень будет распространяться по всей стране. На самом деле сама жизнь заставляет меняться. Не надо придумывать реформы. Надо понимать, что в жизни нужно развивать, что взять, что появляется, и что не брать. Например, в последние годы были выполнены гигантские программы во Владивостоке, в Сочи, московские программы городского развития, импортозамещение. Все это элементы новой экономики. Нужно все, что я сказал, и другие удачные примеры копировать, стимулировать, мультиплицировать и распространять по всей стране.

Нас все очень любят упрекать в том, что мы предлагаем начать печатать деньги, развязать бумажный мешок. В недавнем прошлом и настоящем у нас есть пример. Это развязывание денежного мешка и включение печатного станка. Это произошло в Крыму в 2014 году, когда там полностью изменилась финансовая система и туда начали поступать деньги. Что мы видим? Мы видим, что в Крыму темпы роста составляют под 8 % в год. Там много перекосов, проблем, но ВВП увеличился за это время вдвое, за каких-то три года, и уровень жизни населения, реально располагаемые доходы подросли на 70 %. Это не

страшно, печатный станок это не страшно, господа либералы. Надо уметь им работать. Благодарю за внимание!

[01:15:00]

Николай Остарков: Огромное спасибо еще и за то, что сэкономили нам время.

Мужчина: Предусматривают ли ваши планы совершенствование системы оплаты труда на основе развития профсоюзов?

Игорь Лавровский: Вы знаете, я не член профсоюза уже очень давно. Просто не знаю. То, что систему оплаты труда нужно совершенствовать и повышать зарплаты бюджетникам, и это является одним из стимулов экономического роста, как отсюда следует, по-моему, это ясно.

Мужчина: Дело в том, что отсутствие профсоюзов не дает возможность сегодня на производстве бороться за свои права рабочим.

Игорь Лавровский: Если права рабочих защищаются другим способом, это плохо?

Мужчина: Других способов нет.

Игорь Лавровский: Как это нет?

Мужчина: Только профсоюзы.

Игорь Лавровский: Нет, это не так.

Николай Остарков: Коллеги, перестройка прошла вот на этом аргументе. Как нас заставили строить рынок? Именно на этой аргументации. Она такая же по своему логическому устройству. В мире есть профсоюзы. Давайте совсем вернемся в индустриальное общество. Профсоюзы есть, когда в моногороде есть одно предприятие, фабрика, и там есть профсоюз ткачей или угольщиков. А сейчас эти угольщики уже скоро не будут добывать уголь, уже проблемы с этим.

Игорь Лавровский: Приведу два примера.

Николай Остарков: Зачем их сейчас строить? Вот на этом нас поймали. У нас была определенная развитая система. Нужно было выстраивать финансовую систему. У нас были огромные тресты, корпорации, нужно было что-то с ними делать, как-то их развивать, развивать банковскую структуру. А нам предлагают построить рынок. Нам предложили вернуться в XVI век. Давайте сейчас в индустриальное общество назад в XIX век вернемся.

Мужчина: Я не хочу вас обижать, но вы абсолютно не знаете производство. Вы там, наверное, не работали. Я задал вопрос, он ответил. У меня свое мнение, у него свое.

Игорь Лавровский: Сейчас Франция наслаждается результатами деятельности профсоюзов и будет наслаждаться еще три месяца.

Мужчина: Рабочие забытые. Они не могут слова сказать на производстве.

Игорь Лавровский: И что рабочие забытые сейчас? Это сказки. Не надо сказки рассказывать.

Николай Остарков: Просто чтобы иллюзий не возникало, я пять лет работал на высокотехнологичном производстве. Никакого профсоюза у нас там не было. На рабочих местах работали люди с высшим образованием. Нам не нужен был профсоюз. Это еще в советское время. Мы двигаемся дальше. Не надо нам предлагать тут регрессные модели. следующий докладчик Юрий Брониславович Эхин, эксперт Московского социального форума.

Юрий Эхин: Добрый день! Я эксперт по жилищной политике, занимаюсь этой темой 25 лет. Я член Союза архитекторов. Поэтому буду говорить об аспекте, который странным образом в экономике и социальной сфере остался в стороне, хотя без него невозможно ни первое, ни второе. Итак, социально-экономическая политика во многом связана и обусловлена градостроительной политикой. Разделить их трудно и даже невозможно. 80 % населения страны живет в городах, 117 млн человек. Еще 20 % в сельских населенных пунктах, а это тоже объект градостроительства.

Основа городов и сел – жилье. Жилье – это базовая потребность человека. Города во многом так же промышленность, то есть рабочие места, а значит, экономика. Большинство городов страны, включая современную Москву, формировались вокруг предприятий. За ростом промышленности следовало строительство жилья, школ, детсадов, медицинских учреждений, соцкультбыта, торговли, транспорта, инженерных коммуникаций, зон отдыха. Естественно, в городах росла наука, образование, складывалась массовая культура и пригородные пространства.

[01:20:05]

Вывод первый. Развитие городов и сел ведет к развитию социальной политики и основ экономики. Неслучайно в правительствах развитых стран существуют министерства по городам, чего у нас, к сожалению, нет, и даже не предвидится.

Территориальное развитие каждой страны правительство обычно формирует, размещая производства, делая территориальную схему развития, так предопределяя демографию, инженерную инфраструктуру, использование природных ресурсов, оборону и развитие страны в целом. Вывод второй. Градостроительная политика является важным драйвером, базой промышленной, социальной и демографической, а во многом оборонной политики. Однако пренебрежение к градостроительствам означает социальные и экономические проблемы отставания, а возможно гибель государства. Нечто подобное мы с вами пережили в СССР.

Объясню взаимосвязь. В мире давно известна фраза, что архитектура – мать всех искусств, включая градостроительство, как часть архитектуры. При плохой архитектуре, будет заведомо плохой живопись, скульптура, театр, кинематограф, телевидение, но главное

для экономики – промышленный дизайн. Дизайн промышленной продукции сегодня – это первое качество, на которое обращает внимание покупатель, потребитель при приобретении того или иного продукта. Значение дизайна невозможно переоценить. Неслучайно эталон дизайнеров сегодня – это итальянцы. Но они, заметьте, растут в красивых итальянских городах, созданных лучшими архитекторами на протяжении тысячелетий. Это преемственность, это ресурс экономики, который поддерживается на уровне правительства.

Высококвалифицированные рабочие, живущие в удобных и стильных домах, работающие на гармоничных производствах с грамотным цветом, светом и всем остальным, создают высококачественную продукцию. Это тоже непосредственная взаимосвязь. Например, в нашем типовом Тольятти, который я люблю и уважаю, обычно получают только «Жигули», потому что люди в Тольятти живут в типовых квартирах и уровень их быта недостаточно высок для автомобилей европейского или японского класса.

Вывод третий. Архитектура – это часть производственного процесса, о чем на Западе никогда не забывали. Поэтому примерно за 60 лет возникло такое различие между нами и Западом: визуальное, культурное, производственное и многие остальные. Более того, например, торговый гигант IKEA целиком построен на продаже дизайна жилища. Таким образом, архитектура – это еще востребованный товар. Безликое типовое домостроение в СССР привело к отсутствию в стране модной одежды, поскольку не было модельеров, предметов быта, современных автомобилей и много чего другого.

Выросшие в типовых домах дети, имеют огромные проблемы с креативностью, с творческим подходом к тому или иному. Однажды убив архитектуру в СССР, сделали некачественным все остальное производство, чем породили социальное недовольство населения и повлияли на распад страны. Жилищные проблемы, что странно, это тоже усугубило, хотя убивали архитектуру именно под призывом решения жилищной проблемы. Но это отдельная тема для доклада.

Сегодня уже курьезно вспоминать, но все кто помнят, в 80-е годы из-за отсутствия джинсов и женских сапог угоняли самолеты, брали людей в заложники, выходили митинговать на площадь. Это факт. Образ уродливо одетых русских давно является источником презрения у недругов на Западе. Вспомните кинофильмы. То, что украинские националисты сегодня называют русских ватниками – это прямое следствие удара по архитектуре в России за 60 лет. Отсюда четвертый вывод. Хорошая архитектура – это серьезный ресурс экономики и самосознания нации.

Вывод пять. Те, кто в 1956 году устроили борьбу с архитектурными излишествами, смотрели очень далеко в смысле ослабления государства. Забота о социальной политике без градостроительства как было в СССР, привело к краху. Неслучайно, например, Западный Берлин того периода когда-то называли витриной западного мира, потому что там работали лучшие архитекторы мира и создали эту витрину.

[01:25:03]

Потому соревнование социалистической и капиталистической систем было выиграно именно капиталистической системой, потому что она была более привлекательна. Это все из-за того, что мы в свое время задушили архитектуру. Для многих сказанное сегодня наверняка новое представление. Обычно экономические форумы идут в другом ключе. Я уточню, что широко известно, что крупный город – это 14 уровень сложности системы. Для сравнения космос – это 10 уровень сложности системы. Ни в том, ни в другом случае никакое любительство или даже низкая специализация недопустимы, потому что ракеты падают, а в городах возникают социальные кризисы.

Шестой вывод. От правильно организованного градостроительства и архитектуры можно получить существенный прирост экономики как путем строительства зданий и сооружений, так и в долгосрочной перспективе, потому что гармоничная застройка будет потом столетиями работать на экономику и престиж страны.

К сожалению, в России с этим все очень не кругло. Выросло два поколения политиков, управленцев, экономистов и ученых, которые не понимают и не знают, что такое архитектура, не понимают ее потенциал. Градостроительством пренебрегают до такой степени, что создают угрозу государственной безопасности. Это так. Я поясню. Особенно выпукло это проявилось в последнее время в связи с реновацией в Москве. Цель реновации уже известна и опубликована. Это частные, коммерческие, даже можно сказать жлобские интересы.

Плюс к этому цель – увеличить столицу и крупнейшие города страны до гигантских размеров. Термин гигаполис уже сейчас в ходу в Госдуме. По их мнению, того же мэра Собянина и всех инициаторов реновации, это будет происходить за счет малых городов и сел, что грозит опустошением огромных территорий страны и потерей Сибири и Дальнего Востока, независимо от программы перевооружения страны.

Демографическая карта России сегодня очень сильно напоминает собой головастика, длинный тонкий хвост которого простирается на Сибирь и Дальний Восток, а голова находится в европейской части, в Москве и вокруг Москвы, отчасти на юге. Дальнейшая концентрация населения в городах смерти подобна. Об этом я писал в частности в своей статье в REGNUM 20 февраля. К счастью, буквально 1 февраля президент Путин, я не знаю, совпадение ли это, фактически отреагировал на написанное там. В послании Федеральному собранию ответил буквально на все вопросы этой статьи. Статья называлась «Цель реновации – взять триллионы и удавить страну». Путин заверил, что малые и средние города не будут заброшены.

Однако тревога остается, потому что есть недопонимание ключевых вещей на самом верху. Пример тому – часть выступления из того же послания Федеральному собранию Путина, где он сказал, что мы будем строить по 120 млн м² жилья в год, для того чтобы обеспечивать по 5 млн семей. Я делю одно на другое и у меня получается на одну семью 24 м² общая площадь. Средняя семья в стране – 3,2 человека. То есть 7,5 м² на человека общей площади. Притом что социальные нормы сейчас у нас 18 м² на человека. А

социальная норма ООН – от 40 до 60 м² на человека. При этом никто этого несоответствия не слышит. Больше того, этому аплодируют.

На мой взгляд, сегодня Россия балансирует на грани нулевого прироста жилищного фонда при разговоре о возможности решения жилищной проблемы. Вводится примерно 75 млн м² жилья в год, но столько же выбывает в результате естественного старения жилого фонда и переселения людей в города. В заключение отмечу, что спустя 2 недели после послания Федеральному собранию вице-премьер Игорь Шувалов опять заговорил на радио только о развитии мегаполисов и урбанизации страны. Чем это закончится, предугадать сложно. Я этого делать не буду. Благодарю.

Николай Остарков: Спасибо большое! Я просто не могу не поделиться с вами одним воспоминанием. Примерно лет 10 назад мы с немецкими коллегами делали конференцию в этих помещениях.

[01:30:00]

Когда после этого события, на банкете мы обсуждали, что же здесь происходило, делились своими впечатлениями, они сказали, что у нас все начнет получаться, как только мы серьезно займемся архитектурой и введем восьмичасовой рабочий день. Они говорили про архитектуру не только с точки зрения здания, его компоновки. Больше всего их напрягало отсутствие туалетов. Тогда их здесь вообще не было. То есть здесь происходили события, а туалет был вот там внизу. Они сказали, что это наш архитектурный подход. Все из-за него. Следующий выступающий Андрей Николаевич Яцун, генеральный директор группы компаний «Доступное жилье».

Андрей Яцун: Добрый день! На дискуссионном клубе хотелось бы дать одну идею, которую можно было бы обсудить в рамках этого клуба. Проблемы, с которыми мы сейчас сталкиваемся, это и недоверие общества и власти, безработица, серая заработная плата, несобираемость налогов, недостаточно собственных доходов в бюджетах разных уровней, неэффективная работа глав всех уровней на местах, слабо развитая материально-техническая база, отсутствие четких стратегических целей, отсутствие исторически сложившихся традиционных институтов демократии западного типа.

Есть простое решение, которое можно было бы применить. Сделать зависимую заработную плату чиновников и руководителей всех уровней от средней заработной платы трудоспособного населения на той территории, за которую они ответственны. Если взять простейшее, самое низшее звено муниципальной власти, это сельское поселение, то там есть свой глава, есть учитель, врач, пожарный, участковый инспектор. Если сделать их заработную плату взаимозависимой, то они будут думать о том, чтобы у них не было ни одного безработного на их территории, чтобы не было ни одного больного, гастарбайтеров, чтобы их территория была максимально привлекательной.

Все проблемы, о которых мы говорим, они будут озабочены решать сообща. То есть будет некое объединение. Коррупция на нынешнем уровне, это даже не коррупция, а некий

бизнес, когда человек приходит во власть, и рассматривает ту территорию, на которую он попал с точки зрения только приближенных к нему людей. Если какой-то строитель получает 100 тыс. рублей, значит, ему хватит. Все остальное привозите. Имеет человек какие-то стоянки, будьте любезны, соберите, вам хватит 200 тыс. Назначать заработную плату. Это даже не коррупция, это просто бизнес, потому что бизнесмены приходят во власть.

В той системе, про которую я говорю, которую можно сделать, и довольно несложно, тут не надо менять ни Конституцию, просто необходимо рассмотреть распределение налога НДФЛ. Как раз посмотреть, сколько НДФЛ надо оставлять на месте, в каком месте его увеличивать, собирать его больше, где-то может быть, меньше, потому что у нас сейчас средняя заработная плата по России считается как средняя температура по больнице. Никто не смотрит, в каком муниципалитете, где, как и сколько люди получают. Для этого необходимо сделать зависимость глав районов от глав поселений, сделать их среднюю заработную плату от глав поселений. То есть глава района собирает своих глав поселений и спрашивает, почему в этом поселении такая маленькая зарплата. Тогда у чиновника будет простейшая задача – получать собственную зарплату.

[00:35:03]

Но он не будет иметь возможность получать ее нечестным путем, потому что на него смотрит и учитель, и врач, у которого зарплата тоже зависит от него. И дальше выше по району. То есть у нас есть вертикально выстроенная власть, а я думаю, что их надо замкнуть горизонтально. То есть губернатор будет получать три средних заработных платы от его муниципальных районов. Тогда у него будет заинтересованность, чтобы сделать свою территорию инвестиционно привлекательной, привлечь сюда максимальное количество бизнесменов, вытащить все свои внутренние возможности, также как у главы муниципалитета. Вытащить все инвестиционные возможности, и сказать, что у него есть одно, второе, третье, и будьте любезны, приходите ко мне и организуйте мне здесь рабочие места, платите зарплату не серую, а белую.

Таким образом, общество может как-то сплотиться, и сообща вытащить страну из той ситуации, в которой мы сейчас находимся. Потому что сейчас мы не будем давать вниз деньги, потому что они их как-то распилят и вытащат, а наверху их выгодно держать до тех пор, пока они там под большие проценты в банке лежат. Таким образом, эта стагнация искусственно создана. В случае, который я описываю, люди будут заинтересованы притаскивать как можно больше денег и тратить их честно, не выводить их за границу, то есть все тратить здесь, на месте.

И по архитектуре они будут заботливо относиться к тому, чтобы у них все газоны были пострижены, заборы покрашены, и архитектура была максимально красивой, потому что это инвестиционная привлекательность их территории. Они просто не смогут жить по-другому. У них зарплата от этого зависит. Если сплотить людей вокруг такой экономической политики, то можно ожидать развитие. Ежеквартально будет повышаться зарплата, результата ждать недолго, потому что возможностей и ума хватит для того,

чтобы это делать. Таким образом, можно победить коррупцию. Например, будет идти сын учителя и увидит, что какой-то безработный человек несет металлолом. Он спросит его, заплатил ли он налоги за этот металлолом. Почему он должен это спросить? Потому что у его мамы повысится заработная плата и ему хватит на носки.

Есть кнут и пряник для того, чтобы заставить людей развиваться, но самый лучший стимул – это ежедневный материальный стимул. Многие сталкивались с такой ситуацией, когда приходят и говорят, что так делать нельзя. Почему вы так делаете? Так же нехорошо. А ему говорят, что за это зарплату платят. Ему без разницы здравый смысл, он за это получает зарплату.

И здесь будет та же ситуация, когда все общество будет вынуждено ежедневно думать о том, чтобы повышалась зарплата у каждого человека, чтобы не было ни одного безработного, ни одного больного. У врача не будет стимула, чтобы как можно больше приходило. Он будет получать большую зарплату, если у него не будет ни одного больного, если все люди будут работать. Мне кажется, это будет несложно сделать, обязать главных бухгалтеров выдавать данные о заработной плате и ежеквартально их подбивать, давать наверх. Есть такая мысль, она не нова, это фон Бисмарк еще говорил, что если бы заработная плата зависела...

Мужчина: Скажите, а вы вообще формулу формирования бюджета региона знаете? Это РАН, мы здесь такой бред слушаем.

Андрей Яцун: Какой бред?

Мужчина: Потому что это РАН.

Андрей Яцун: Мы работаем только с НДФЛ, мы других налогов не берем.

Женщина: Андрей Николаевич, у меня вопрос к вам, к Александру Махлаеву и Юрию Эхину. В самом начале дискуссии были заявлены обсуждения возможных мер, направленных на повышение качества жизни. В совокупности данной темы обсуждения тема демократического кризиса в нашей стране более чем актуальна. Совершенно очевидно, что доступность жилья населению является одной из составляющих этого самого повышения качества жизни.

В связи с этим у меня вопрос. Перечислите, пожалуйста, критерии, благодаря которым, по вашему мнению, жилье станет действительно доступным населению с вытекающими отсюда взаимосвязанными вопросами. Какой, по вашему мнению, должен быть оптимальный реалистичный процент в нашей стране по ипотечному кредитованию, опираясь не на зарубежную практику, а исходя из российских реалий состояния жилищной и социальной политики, состояния банковской системы, уровня реальных доходов населения и его платежеспособности. А также дайте, пожалуйста, адекватную оценку стоимости квадратного метра жилья как в среднем по стране, так и в Москве, чтобы оно действительно стало доступным для населения.

[01:40:54]

Николай Остарков: Спасибо! Это все-таки вопрос не к вам. Я легко отвечу на этот вопрос, поскольку этим занимаюсь. Я по поводу выступающего. Просто обратил бы внимание. идея привязки НДФЛ к местности очень даже здравая. Давно ее везде озвучиваю, пропагандирую. Но там есть один маленький нюанс: нужно сначала сделать НДФЛ персонифицированным и убрать его из системы корпоративных налогов. Пока он у нас корпоративный. Вот это вот шаг не позволяет дальше все ваши верные рассуждения запустить. А его очень сложно сделать. Я проводил массу опросов. Даже журналисты не готовы персонифицировать этот налог. Кто готов сам платить подоходный налог в зале? Вот видите? Поэтому это сложная тема.

Что касается ипотеки. Два года назад мы высчитывали ставку, при которой начинается бурный рост ипотеки. Тогда, как ни странно, это была большая цифра – 7,5 %. Эта цифра получается очень просто. Нужно понять, что речь идет о трети зарплаты, трети всей совокупности доходов семьи, вот эту вот треть семья готова каждый месяц платить. Посчитав ее, можно рассчитать процентную ставку. Сейчас она, наверное, где-то в районе 5 %. При ставке 5 % начинается более или менее серьезный рост ипотеки. Я объясню, как работает новая система некапиталистического роста, к которой перешли все развитые страны в 70 – 80-е годы. И почему ставка может быть и 5, и 3, и 2, и 0 %.

Все это работает очень просто. Мы берем и тупо имитируем деньги и направляем их по системе рефинансирования. Это основная функция ЦБ, он занимается рефинансированием банков. Банки выдали кредиты в ипотеку по какой-то ставке. Мы берем и рефинансируем этим банкам ипотеку. При этом лучше, если эта ипотека будет упакована в секьюритизированные портфели, то есть это будет портфель ипотек. Это решение проблемы с кредитованием, то есть снижение ставки по кредитованию. Я сейчас рассказываю общую схему. Не обращайтесь внимания на ипотеку. Это общая модельная схема моторчика роста в развитых экономиках.

Запускаем. Банки выдали ипотеку, например, под 5 %. Мы им рефинансировали под 3 %. Через какое-то время все эти деньги вернутся в ЦБ. Что произошло с ЦБ в этот момент? ЦБ, затратив 0 рублей на производство денег через какое-то время, будем считать для простоты, что они ему вернулись мгновенно, вернулись деньги. Допустим, это был 1 трлн. Он получил 1 трлн долларов.

[01:45:00]

Это называется сеньораж. Дальше этот сеньораж 1 трлн можно снова запускать в ипотеку, можно их отдать в бюджет, в зависимости от того, как устроена система распределения прибыли ЦБ. Если эта прибыль на 80 % попадает в бюджет, то наш бюджет на этой операции получил бы 800 млрд рублей. Не мгновенно, но по сути. Теперь смотрите, что делает наш бюджет. Наши финансовые органы берут 20 млрд из бюджета, то есть это минус. Здесь мы получили 800 млн в плюс, в нашей системе мы получаем 20 млрд минус. Эти 20 млрд мы направляем на субсидирование ставки. Это старая система XIX века. Когда

развитые страны поняли, где этот движок... о чем говорилось в предыдущих докладах о том же устойчивом росте. Они наткнулись на то, что оказывается, можно с помощью определенных финансовых инструментов активизировать спрос в определенной сфере. Решили, а давайте-ка мы сельхозтехнику сделаем так, чтобы она у нас бурно развивалась. Кого мы должны поддерживать в этой схеме?

Мы должны поддерживать спрос. Это кейнсианская модель. Кто у нас дает спрос? Те, кто занимаются сельским хозяйством. Что мы должны спонсировать? Производство комбайнов, но со стороны спроса. Мы должны дать возможность сельским производителям, чтобы они по нулевой или даже отрицательной ставке брали эти комбайны. Тем самым мы не распыляем эти деньги, они не продуцируют инфляцию, они просто поддерживают спрос.

Также нужно поддерживать спрос. Вот появилось у нас какое-то безумное предприятие, которое научилось экспортировать свинину. Это не фантастика. Они это уже делают. Давайте поможем им. Нет, свинина плохой пример. Пусть какое-нибудь оборудование будет. Пусть покупатели этого оборудования в Китае получают очень дешевые деньги или даже отрицательные. Вот он, новый движок роста. Это модель. Нам в качестве контраргументов говорят, что это может привести к инфляции. Почему это не приводит к инфляции?

Опять же показывать на ипотеке легче. Когда мы запустили спрос в ипотеку. Предположим, вы все пошли покупать жилье через ипотеку. Но вы же свои деньги достали из-под матрасов с депозитов и понесли их. Значит, мы убрали эти деньги там, где была ликвидность, которая могла пойти на покупку холодильника. А тут вам предлагают не холодильник или машину, а квартиру. Дальше вы понесли каждый месяц. Вас каждый месяц обрезают по потребительскому рынку. Каждый месяц вы вместо того, чтобы покупать более дорогие продукты, или образование детям, или еще что-то, вы понесли их туда, в экономику.

Я пока про модель, а не про моральную оценку. Еще один маленький нюанс. Это тоже антиинфляционный фактор. Ведь вы эти деньги убрали с валютного рынка и ушли в рубли. Вы навес с валютного рынка убираете тем самым. Пусть это 0,000 % минус от инфляции, но это минус, а не плюс. Так и работает этот мультипликатор нового типа. Не капиталистический, не банковский старый. Это другой мультипликатор, он совсем по-другому работает. И третий момент. Банк, который занимается кредитованием стройки. Если он идет в синдицировании и кредитует объект, в котором есть ипотека, он свою ставку снижает.

[00:50:10]

Мы в своем банке так и делали. Пусть на 0,5 %, но он снижает ставку. Это тоже антиинфляционный фактор. 4 антиинфляционных фактора я вам назвал. Нам на это говорят, что при эмиссии происходит инфляция. Не инфляция, антиинфляция.

Игорь Лавровский: Одна важная ремарка, когда мы говорим об ипотеке. Ипотека – это механизм создания собственника. То есть вы капитализируете свои текущие доходы, вне зависимости от того, хотите вы этого или нет, вы постепенно становитесь крупным собственником.

Из зала: [01:50:58].

Николай Остарков: Про рынок? Коробка стоит 20 тыс.

Из зала: [01:51:05]

Александр Махлаев: Надо понимать, что есть ипотека. Ипотека – это финансовый инструмент инвестирования. Если у вас есть свободные деньги, и вы можете эти деньги изъять из своего бюджета, то есть вы настолько богаты, что вы можете положить деньги в ипотеку, по сути дела, купить жилье, вы точно таким же образом можете купить акции, облигации и так далее.

Если мы посмотрим на структуру жилищного рынка, и вообще структуру жилья в Западной Европе, то мы увидим, что основной базовый институт, который там существует, и откуда сейчас выселяют немцев и селят приезжих, это социальное жилье. Оно построено за счет денег государства. Государство позволяет собственникам жилья жить в этом социальном жилье и сдавать свои инвестиционные квартиры, которые они купили по ипотеке, более богатым людям, которые хотят жить в более дорогом жилье или по тем или иным причинам существуют в этом пространстве.

Когда нас всех загоняют в ипотеку, то единственный сектор экономики, который выигрывает от этого, это банковская система. Все остальные системы оказываются репрессированными. Здесь уже говорилось, что если треть бюджета семьи в течение 25 лет, плюс еще у семьи бывают пики и спады потребления, болезни и прочее, соответственно, мы получаем колоссальную социальную проблему.

Где больше всего бездомных? В США. Почему? По той простой причине, что именно ипотека является основным инструментом решения жилищной проблемы. Если мы хотим иметь общество с высоким уровнем социальной защиты, мы должны дать людям возможность иметь и социальное жилье, и ипотечное. Что было при Косыгине? Выпустили столько денег, сколько надо было. Не было долларов. Надо было выпустить столько-то денег, чтобы построить столько-то жилья и заводов, выпустили, освоили. Никакой инфляции, ничего, потому что было нормальное экономическое планирование.

Сейчас ипотека по большому счету не развивает жилищный... смотрите, какие человеконики понастроили по округе. Что это? Гетто, в которые люди упакованы, из которых они вырваться не могут. Второй очень важный момент. Мы постоянно говорим о мобильности трудовых ресурсов. Ипотека не дает возможность мобильности трудовых ресурсов. Человек оказывается намертво привязан к месту. То есть ипотека как доминантный институт решения жилищной проблемы убивает экономику. Она не дает роста экономики. У нас должен быть выбор. Можете воспользоваться такси, а можете

воспользоваться собственной машиной. Использовать такси должно быть намного дешевле.

В столыпинские времена не существовало ипотеки. Были замечательные доходные дома. Были дорогие доходные дома, были дешевые, были очень дешевые. Если человек двигался по социальной лестнице, он просто менял себе жилье. Почему этого нельзя сделать? По одной простой причине. Потому что это сеньораж, потому что в основе агентства ипотечного страхования лежат деньги Goldman Sachs. Именно они создавали это агентство ипотечного страхования. Все ипотечники, которые платят ипотеку, платят сеньораж финансовой системе США. Эти вещи надо называть своими именами.

Николай Остарков: Коллеги, мы превысили лимит времени. На этом мы завершаем. Мы можем подискутировать, но уже без микрофона.

[01:55:20]